

СТИХИ
разных лет

Николай Беляев

51

На последней прямой

*
* *

Здравствуй, радость моя усталая,
стариковская, неоглядная!
Наши годы – мелькнули стаями
перелётными, листопадными...
Где они – за которым облаком
что трубили – не так и важно.
Посидим за кухонным столиком,
помолчим... Умирать не страшно.
Что-то сделано всё же хорошее,
что-то выросло из желанного,
в новый век заглянули, пожили,
наглотались его туманами...

Николай Беляев родился (1937) в Ярославле. В 1947 году переехал в Казань. Окончил геофак Казанского университета. Поэт, переводчик. Работал в редакции газеты «Комсомолец Татарии». Окончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. М. Горького. Автор многих сборников поэзии, а также объёмистой книги «Поэма Солнца» (2012), посвящённой казанскому художнику А. Аникеёнку. Активно переводил на русский язык произведения татарских поэтов – Х. Такташа, С. Хакима, И. Юзеева, Ш. Галиева и др. Лауреат литературной премии им. Г. Державина. Долгое время жил и работал в с. Ворша Владимирской области. В этом году вернулся в Казань

* * *

На последней прямой
не щадят ни коней, ни моторов.
На последней прямой –
гонят, всё выжимая из них.
На последней прямой –
не до праздных глухих разговоров.
Бормочи, не стесняйся,
из глубин твоих рвущийся стих!

* * *

В душу запавшие с детской поры,
(ввек не найти живописней и краше!) –
волжские кручи, холмы и бугры,
это былинное зрелище наше.
Этот – до Каспия – дивный простор,
рощи и пажити, и деревеньки,
эхо Урала, предчувствие гор,
память Орды, Пугачёва и Стеньки.
Нам не уйти от тебя никуда,
вечно звучит твоя музыка в сердце –
золото, синь-голубая вода,
небо, в которое не наглядеться!

* * *

Снег выпал, как всегда – прекрасный
и чистый снег.
И над землёй сияет месяц ясный,
льёт ровный свет.
И что-то явно деется с душою –
молчит, светясь.
Ей снова по плечу – большое,
что держит нас
на этом сине-белом свете:
твори, пророчь!
На неразгаданной планете,
летающей в ночь.

* * *

Ах, молодость! – не сдуру ли? – полез
на стену, на скалу береговую,
без снаряженья, без страховки, без
верёвок, крючьев... Понял, чем рискую, –
когда до верха – метра три, а вниз –
и глянуть страшно – берег, осыпь, камни...
и под ногами – узенький карниз,
а вверх – крошится сланец под руками...
Завис, завис, дурак, над Ангарой!
На том карнизе – стой, зови подмогу...
Вжимаюсь в стенку: «Что же ты, герой?
Допрыгался? Куда поставишь ногу?»
Но ищут пальцы и глаза – возможный путь,
шиш – кварцевый с кулак – надёжен вроде,
и трещина – расширь её чуть-чуть –
опорой станет, и сосновый корень
повыше – в трещине – поможет одолеть
и уцелеть, и выбраться...
Спасенье –
в одном рывке.
А дальше – можно петь
и любоваться Ангарой осенней!
Рывок, и – выдержали кварц и корешок –
я наверху, в траве лицом горячим...
Не торжествую – был от смерти на вершок.
Мне повезло... Случайно, не иначе...
Сочувственно насмешлив лик Удачи...
Тяжёл и тёмн глаз её укор.
Я – знаю, чую на себе его с тех пор.

* * *

Евгению Евтушенко

Поэт в столице больше, чем поэт.
Поэт в провинции – талантлив или нет –
он что-то вроде местного придурка,
не выше пешки шахматной фигурка.
И сколько к небу взор не возноси –
так было, есть и будет на Руси.
Но – живы, свищут в роще соловьи:
«Пой, не скрывайся, милый, не таи!»

* * *

Невидимы, под козырьком крыльца,
сидим мы за полночь, от родины отца,
от Костромы, в недалеком далеке,
он, чуть поодаль – на одной доске
крылечка нашего сидит...
Нам хорошо.
Мы чувствуем: меж нами – тьма и сырость,
меж нами время навсегда остановилось,
и нет его, как будто, да и что
мы называли временем когда-то?
Лишь воздух, холодящий поры щёк,
и звёздной бездны яма...
Маловато
мы говорили с ним...
А он мне дал
так много – мне вовек не отдариться.
Я многого не понял, не узнал,
и чувствую себя теперь тупицей,
бездельником, плохим учеником...
Он смотрит – сбоку, вопрошающе, сурово,
а у меня застряло в горле слово,
и по щеке слеза бежит тайком...
– Прости, отец! За всё меня прости!
– Чего уж там... Всё позади. Сиди...

* * *

Не старость, нет.
А всё же первый снег
сверкает, чист, стеклянно-сух, бесстрастен.
Ещё вчера его слепой набег,
его круженье я назвал бы счастьем.
А ныне я стою, задумчив, тих,
смотрю на снег – подарок рваной тучи...
Я старше стал. На этот снег. На стих –
вчерашний, холодно-наивный и блестящий.

* * *

Почти две тысячи моих стихотворений –
итог скорее грустный, чем весёлый.
Почти две тысячи ударов головой,
несчётное число ударов сердца –
о стены каменные и стальные двери,
о стены, разделяющие нас:
– Услышьте, спорьте или – улыбнитесь!
Я не для вечности – для вас дышал, творил.

* * *

И – мимо, мимо весны,
мимо лета, мимо осени, мимо
самих себя и мимо своей эпохи...
В Курземе, не добежав до моря,
валуны навсегда увязли.
Кажется – только мимо Земли
не удалось никому промчаться.
Велта Калтыня
То ли юность окликнула,
то ли опыт труда и лишений,
бесконечных обманов,
с которыми каждый знаком,
но похож я сегодня на камень,
валун обомшелый,
в чистом поле лежащий,
заброшенный к нам ледником.
Под развесистой клюквой
чужих философских суждений,
я лежу, под покровом мечтаний,
метаний слепых,
в переливах тональностей
вешнего света и тени,
в отраженьях на плёночке волжской,
и где-то в пространствах иных.
Светит солнце, и суша опять разрастается,
травы сорные сыплют на раны свои семена.
Вьюга к вальсу зовёт,
кувыркается, чуть издевается:
– Что один-то? Ведь полночь
глуха и, как прежде, – темна...
Голубые и синие, рыжие мамонты вымерли.
Не приходят бока почесать об меня уже тысячи лет.
Бородатый геолог один меня знает по имени,
да ещё прозорливая Велта,
хороший латышский поэт...
Это время распада, разлада,
оборванных связей,
нищеты и разбоя,
и поиска новых путей,
перекройки миров,
столкновений Европы и Азии,
под припляс хороводный
язычески-тёмных страстей.
Я под небом лежу, постигая вселенскую Тайну.
Тайну Света и Тьмы
в паутине межзвёздных лучей.
Притяжение душ в этом мире
совсем не случайно
и подвластно Любви
и Природе, всеобщей, ничьей...

* * *

Я – клоун зеленомордый,
пастой зубной раскрашенный,
я улыбаюсь грустно,
в руке – апельсин всегдашний –
как солнышко всем сияет,
весь мир собой освещает!
Я не ем апельсинов.
Я раздаю их детям:
– Живите честно, красиво,
как следует жить на свете.
Не так, как мы умудрились –
веселей, бесшабашней!
Сияйте, не торопитесь
и помните: жить – не страшно!

* * *

– Живой ковёр, трепещущий, дрожащий...
По две-три бабочки на каждом кирпиче
стены, прогретой солнцем заходящим.
– Наверно – к холодам...
– О чём ты?
– О мечте
спрессованной,
о том, что жизнь даётся
всего лишь раз...
на день или на два...
Такое редко видеть удаётся...
О, как трепещут бабочек крыла!
– Ты жив ещё? И я ещё жива!

* * *

Там, за далью времени и места,
обживая пустыри разлук,
ты ещё жива, моя невеста,
как и я, сбежавший твой супруг..
Мы друг друга помним-то не очень.
Даже воздух, да и век – другой.
И не ты мои закроешь очи
старческой бестрепетной рукой.
Были мы наивны и жестоки
в нашей первой, глупенькой любви.
Пусть тебя утешат эти строки.
Если что-то значат соловьи.

* * *

Не сразу – музыку услышать удаётся,
не пробуй взять её с разбега, с кондачка...
Как в зажигалке – и в тебе огонь зажжётся
не с третьего, так с пятого щелчка.

* * *

*Светлой памяти литературоведа,
доцента МГУ Вячеслава Воздвиженского*

Нехорошее время
ожиданья, что сбудется Лето,
а сбывается Осень,
ветра, холода и дожди.
И сбывается то,
что не может быть песней воспето, –
умирают друзья,
неформальные наши вожди.
Обмирает душа.
Вымирает моё поколение,
тех, кто верил в Россию,
в её обустройство всерьёз.
Но, похоже, и нам
суждены лишь подвалы забвенья,
да могилы в тени
пожелтевших плакучих берёз.
«Артиллерия бьёт по своим...»
И, конечно, не мимо.
Возвращаемся прахом,
обрывками памятных строк.
Эхом. Болью и горечью.
Рваными клочьями дыма
над осенними хлябями
горестных русских дорог.
Страшный суд не страшит.
Всем известны давно приговоры.
Разве милость господня
чего-то кому-то скостит.
Мы уходим,
бросая на землю последние взоры.
Вслед нам ветер ненастья
печально-прощально свистит.

